

Полночи певна мати! Російська країна,
 Котрою іскони отлична власть дана
 Душ крепостью и мышц одолевать все в мире,
 В какой блистательной я зрю тебя порфире!

Восставшие из гробов, Олеги, Святославы,
 Державе Греческой дававшие уставы,
 Владиміры, Донской, и вы, друзья Граждан,
 Пожарский, Минины! честь, слава Россиян,
 Боян зывает к вам . . . по вы уж оживленны,
 Сердца и души к вам в сем храме устремленны. . .

(Стр. 6).

Сергей Глинка не задавался целью сообщить образу Бояна реальные исторические черты и поэтому без всякого смущения заставлял его интерпретировать политические события начала XIX в. Обращаясь к древнегреческим богам и героям, Боян призывал их подружиться с Россией, чтобы сбросить «постыдное бремя» турецкого гнета с «Эладских стран» и «стереть рога Луны».

Отвечая полным сочувствием на этот призыв, древнегреческие музы сходили с Олимпа и окружали древнерусского певца. «Переносясь во дни прошедшие», Мельпомена выражала свой восторг перед храбрыми российскими героями и их незабвенными женами, в особенности — перед Дмитрием Донским и супругой его Ксенией (так!); тут же Мельпомена призывала российских певцов воспеть отечественных героев и «блеск родной страны». Дидактизмом, адресованным русским писателям, была проникнута также речь музы комедии Талии. Ее credo сводилось к утверждению общественно-служебной роли искусства. Наряду с несправедливым, ложью и клеветой комедия призвана искоренять также преклонение перед «иноплеменными модами»:

Чтоб модницы, Москву считаючи Парижем,
 А комнаты, где спят, альковом, или нишем,
 Родную сторону любили без затей;
 Чтоб о неправдах мы не слышали судей;
 Чтоб русская любовь отставила Амура,
 Чтоб здравствуй нравилось нам более бонжура,
 Чтобы заморский бал хлеб-соль превозмогла,
 Чтоб к модам не везли доходов из села. . .

(Стр. 10).

Вслед за сим Боян обращался к музе Евтерпе, приглашая ее возвысить голос «в честь бога Световида» и «великого Новгорода»:

Воспой! и древность ты священну пробуди,
 С Бояновой душой в протекши дни преиди.

(Стр. 11).

Евтерпа и хор, чередуясь друг с другом, «вещали славу Славян», пели «древнюю песнь Солнцу», славили древний Новгород и священный Волхов. В своем пространном заключительном монологе Боян восхищался деяниями Ермака, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, находил в послепетровской России достойную преемницу славы древних славян и вручал свою лиру вновь пришедшему поколению «российских певцов».

При всем преклонении перед знаменитой поэмой об Игоре в походе С. Н. Глинке не удалось, как об этом свидетельствуют даже немногие приведенные выше цитаты, преодолеть инерцию литературного стиля начала XIX в. и передать слушателям и зрителям художественное и стилистиче-